

В. Ерошенко

Трехходовая шахматная задача

Предисловие автора.

Этот очерк я написал специально для нашего «Esperanta ligilo» и посвящаю его моим друзьям с Дальнего Востока. Очерк был написан уже в июне 1934 , но я потерял рукопись во время моего путешествия в Туркмению в том же году. Теперь в свободное время (1938 г.) я попробовал переписать его, и вот результат. По стилю и, возможно, эмоциональности он уже другой, однако по фактам и духу он остался неизменным.

1.Какуме

Чем больше увеличиваются наши мировые мегаполисы, центры цивилизации, тем больше мельчает человек, делаясь все более банальным и тривиальным, незначительным и мизирным, становясь наконец только микробом, незначащей бациллой, чья жизнь и смерть никого более не интересует. И важен уже не сам человек, а его капитал, не его голова, а его карман, не его сердце, а его золото.

Совсем по другому в арктическом регионе Северо-Восточной Азии, в тундре чукчей. Этот северный двадцатитысячный народец разделяется на группы в несколько человек, которые живут в многокилометровой тундре, часто в сотнях километров друг от друга. Там они учатся любить просто самого человека, точно оценивать его жизнь, уважать его свободу. Чукча всегда интересуется своим соседом, далеким или близким, соотечественником или иностранцем; он претендует на то, что бы знать каждого человека в Тундре; он гордится знанием всего о каждом и стремится помочь любому в хорошем и честном.

Я прибыл на чукотскую культбазу у залива Св.Лаврентия Берингова пролива в конце июля 1929 г. и провел там несколько очень тревожных месяцев моей в общем-то авантюрной жизни.

Когда я был еще на расстоянии нескольких сотен километров от базы, обитатели базы уже знали о моем прибытии. Чукчи рассказали им, что на Север едет удивительный слепец, чтобы проведать своего брата, ветеринара базы, который уже давно, забыв все и всех, ушел бродить в самые недоступные уголки тундры для изучения жизни и повадок чукотских оленей. Чукчи считали своим святым долгом проинформировать ветеринара о приезде его слепого брата, и делали они это намного быстрее, чем все радиостанции Севера.

Чукчи с энтузиазмом рассказывали, что слепой играет в шахматы и стал шахматным чемпионом корабля, на котором плывет; что он посетил много стран, но любит только одну, неизвестную им страну Эсперантиду; что он знает несколько языков, даже американский, но предпочитает всем международный язык Эсперанто; что он познакомился со многими народами, но больше всего любит чукчей. Таинственно они сообщали, что слепой когда-то играл на многих музыкальных инструментах, но сейчас не играет ни на чем, потому что ...; когда-то он пел свои собственные песни, но сейчас более не поет, потому-что ...; когда-то он часто смеялся, но сейчас даже улыбается редко, потому что ... И фантазия Тундры начинала работать.

Прибыв на базу, я тут же попросил одного из коллег моего брата, чтобы он подробно

ознакомил меня с планом базы, указал мне все дороги и тропинки к морю и тундре, к горам и озерам. Вечером я прогуливался уже один со своей палочкой по всей базе. Это кажется превзошло уже все ожидания чукчей, в полном замешательстве они лишь повторяли: «Какуме, какуме!(Невероятно, чудо)» И Какуме сделалось моим именем в Тундре.

2.Лиги – Оравилли

Не много чукчей жило на самой базе или возле нее, но они часто приезжали: то в мед.лазарет, то что бы что-то продать или купить в фактории, то что бы определить своих детей в школу при базе или передать им какие-нибудь гостинцы из далекой семьи. Ведь ребенок является идолом Тундры, вокруг которого сосредотачивается вся ее жизнь. Часто они прибывали на базу чтобы развлечься, освежиться и увидеть чужестранцев, недоступных в Тундре.

Пугливые как олени и любопытные как полярные лисицы, они обычно бродили небольшими группами через наши общие и личные комнаты, интересуясь всем и каждым, ничего не пропуская не оглядев, ничего не оставляя без внимания. Скромные и вежливые, они прилежно изучали на наших стенах свои изображения, картинки и фотографии, осторожно исследовали разные безделушки и украшения на комодах и туалетных столиках, детально инспектировали все ящики, чемоданы и шкафчики, с удивлением заглядывая во все уголки, критически ощупывая все предметы. Бесшумно и спокойно они восхищались всем, никому не завидуя; от многого они приходили в возбуждение, но ничего не просили. О кражах во время таких коллективных осмотров никто никогда не жаловался; чукчи казались абсолютно честными. В общей столовой они стояли напротив нас и неотрывно смотрели в наши рты, внимательно наблюдая что, как и сколько ест или пьет каждый из нас. И Тундра часто знала о каждом из нас такие подробности, о которых мы сами даже не подозревали; и будучи юмористами, чукчи наивно карикатурно изображали все, что находили в нас смешным. Обитатели базы приходили в негодование от этих туземных набегов, но начальник базы, удивительно великодушный человек, просил всех быть терпеливыми, и мы терпели. Только наш аптекарь-врач, европейски воспитанный человек, всегда скандалил и публично требовал, что бы все аборигены были выдворены и не совали свой тундровый нос в личную жизнь европейцев. Он был коммунист и делал политическую карьеру, поэтому он говорил всегда с большим апломбом, и всегда громче, чем это было необходимо. Я не хочу указывать его национальность, что бы не возбуждать предрассудки против какой-либо нации, тем более, что таких типов можно найти везде в европейски воспитанных, капиталистически цивилизованных кругах. Карикатуристы тундры рисовали его в форме флакона, с аптечной наклейкой «Аммиак». При его появлении все начинали чихать, врач негодовал.

Во время таких туземных набегов я познакомился с Нуралтенгом, молодцеватым 19-тилетним юношей. Он гладко говорил по русски, всегда шутил и много смеялся. Его характерный чукотский акцент делал шутки вдвойне смешнее. Однажды он спросил меня, знаю ли я, как чукчи сами называют себя. Я не имел понятия об этом.

- Так знай: мы называем себя Лиги – Оравилли, что означает «настоящие люди». Людей других национальностей мы называем по их именам, или просто «люди».

Услышав это претензионное название арктического народца, я улыбнулся как хорошей шутке Тундры, но Нуралтенг, увидев мою улыбку, даже смех, стал полностью серьезен:

- Разве мы действительно не настоящие люди ? – спросил он и тихо добавил – До сих пор мы никогда не сомневались, что мы Лиги – Оравилли.

Я был очарован. Мы подружились.

Нерултенг мог достаточно хорошо читать по русски, и он просил дать ему какую-либо хорошую книгу. Случайно я дал ему северные рассказы Джека Лондона и с тех пор, после каждого прочитанного рассказа, он приходил, чтобы спросить, правда ли то, что написано в книге. Мой всегдашний ответ был, что Джек Лондон всемирно известный писатель, следовательно ему можно верить. Однако кровожадные типы и ужасные сцены далекого американского Севера полностью отсутствовали в нашем Севере, и они впечатлили юношу невероятно; он перестал шутить и больше не смеялся. Как раз в это время я был занят личными делами и не обратил внимания на психологическое состояние моего чукотского друга.

3. Европейски воспитанный человек.

В один из дней пропагандистская служба базы пригласила чукотских гостей в наш клуб, что бы провести там показ кинофильма. Европейски воспитанный врач играл на скрипке и я сопровождал его на гитаре. Это было нашим обычным содействием развлечению присутствующего населения базы.

Мой юный друг сидел возле меня; его рука лежала на моем колене, его голова прижималась к моему плечу. Он был хмур и молчалив.

Я начал агитацию: «Мир разделен на два враждебных лагеря, которые объявили друг другу бескомпромиссную, жестокую войну, войну не на жизнь, а на смерть. Каждый из нас, даже в самой далекой Тундре, может в любой момент времени сделаться безвинной жертвой этой ненасытной ненависти. Поэтому каждый должен ясно определиться, на чьей стороне он стоит».

Начался фильм. Вначале показали несколько сцен мировой войны, затем пошли кадры российской гражданской войны. Мы играли различные марши и известные военные песни русской революции. Рука юноши дрожала все сильнее и сильнее; казалось его бил озноб. Вот на экране появились бесчисленные ряды Красной Армии, идущие атаковать последний, неприступный бастион контрреволюции. Белые бомбят их с аэропланов, обстреливают с моря с кораблей альянса, изливают на них убийственный град со всех сторон. Тысячи красных падают, но их заменяют другие тысячи, десятки тысяч, и они идут все вперед, приближаясь все более и более. Вот вдалеке показалась красная кавалерия. И новый град пуль, бомб, снарядов.

Энтузиастное «Ура!» обитателей базы встряхнуло зал. Мы заиграли марш Буденного. В этот момент юноша неожиданно вскочил; он весь дрожал. Поймав мою руку, он вскрикнул, трясась как в эпилепсии: «Невозможно! Невозможно!». Из-за неожиданного движения я уронил гитару на пол. Как можно ласковее я попросил юношу сесть на скамью:

- Все возможно в нашем мире, все у нас возможно! Успокойся!

Врач громко скрипнул зубами.

На экране красные уже взяли неприступное укрепление; теперь они штыками кололи пришедших в ужас белых. Аэропланы быстро исчезли, корабли альянса в панике бежали.

«Музыку, музыку!» - кричали экзальтированные зрители, но чукчи молчали. Я старался как-нибудь настроить гитару.

Прижимая лицо к моему плечу, Нерултенг в припадке плакал:

- Я не верю, я не могу в это верить!

Мое сердце нестерпимо заболело.

- Прогоните этого идиота! – как змея прошипел врач.

- Почему Вы няньчитесь с этим моржонком, как с ребенком ?

И он добавил такую непристойную ругань, что я покраснел до ушей.

- Замолчите, европейски воспитанная обезьяна! – вскрикнул я так же дрожа, от гнева.

На экране в разгроме белых теперь принимала участие кавалерия. Головы, руки, ноги крутились в красном воздухе; во все стороны брызгал человеческий мозг, потоками лилась кровь.

«Музыку, музыку! Почему не играет музыка?» - сходили с ума обитатели базы. Хмуро молчали чукотские гости.

Проклятая гитара не хотела настраиваться. Юноша рыдал – мое сердце болело все сильнее.

- Прочь отсюда, проклятый медвежонок! – прошипел грозно врач и сильно ударил по голове юношу своим смычком.

- Не трогай его, чертова обезьяна! - вскрикнул я, и смычок полетел через зал. Заскрипев зубами, он схватил мое горло.

- Убери руки от Какуме! – раздался одновременно десяток голосов. Они принадлежали чукчам. Кто-то ударил его по руке и оторвал ее от моего горла. Я поднял гитару чтобы разбить ее на голове обидчика, но кухарка базы схватила ее своими руками: «Пожалей гитару, Какуме! Мы же не сможем купить другую в Тундре».

Белые на экране бежали прочь. Экран заполнили красные победные знамена.

«Музыку, музыку!» - ревели присутствующие. - «Что там делают музыканты?»

Снова мы заиграли марш Буденного: «Взвилось в небо, красное знамя ...». К нам присоединился хор населения базы: «Скачем мы к смертельной схватке ...».

Никто теперь больше не слышал, что гитара не настроена, что скрипка звучит ужасно, потому что скрипач стонет от боли в руке. Наклонившись к моему уху, он злобно прошипел, брызгая слюной:

- Обовсем этом мы поговорим на ячейке. Я за все отомщу тебе. Я тебя уничтожу, сотру! Я сделаю из тебя пыль! Я тебя сожру, проглочу со всеми экспериментами!

Оглушительная пощечина прервала его шипение. Он взвизгнул.

Фильм закончился. Включили свет.

4. Фатальная мудрость

После демонстрации фильма глава базы обратился к гостям из Тундры:

«Этой зимой культбаза намеревается послать в Тундру, в ваши деревни и поселения наши кинофильмы, чтобы таким образом помочь вам расширить ваш умственный кругозор и по крайней мере немного поднять ваш культурный уровень. Но мы еще не совсем знаем население Тундры и не знаем, что нравится и не нравится ему. Подскажите, что мы должны показывать в Тундре? Сегодня мы делали пробный показ, и мы очень бы хотели услышать ваше искреннее мнение о просмотренном фильме. Это очень помогло бы нам в выборе репертуара для Тундры».

После долгого молчания заговорил старик с седой бородой, пользовавшийся большим авторитетом в Тундре:

«Наверное вы, европейцы, умны, очень умны, намного умнее чем мы: вы изобрели охотничье ружье, моторную лодку, швейную машину, граммофон и многие другие вещи, полезные даже для нас в Тундре. Вы изобрели так же пароход, аэроплан, автомобиль, телефон, телеграф, радио, кинофильмы и многие другие удивительные вещи, чьих названий мы никогда не услышим в наших ярангах. Это отличное дело, за все это мы благодарим и восхищаемся вами. Но в то же время, вы выдумали много, очень много чтобы убить человека. Одна из таких ужасных машин для убийства, которых вы только что показали нам, может в течении нескольких минут уничтожить весь наш народ, все население Тундры. Разве мы можем восхищаться этим? Разве можно назвать это умным? Но кажется вы гордитесь этим. Если это мудрость, то это фатальная мудрость, ведущая вас к вашей гибели и возможно к нашей тоже. Итак, по нашему разумению, вы глупые, очень глупые, намного глупее чем мы; вы фатально глупы.

Давным-давно, когда мы были еще дикими и следовательно глупыми, мы тоже убивали друг друга, то из-за племенных, то из-за деревенских, то из-за семейных или личных мотивов. Но эти времена давно прошли и сейчас вы никогда не услышите о человекоубийстве среди нас. Итак, скорее всего мы глупы, много глупее чем вы, но наша глупость не фатальна, т.е. фактически мы умны, намного умнее чем вы.

Показывайте нам в ваших кинофильмах вашу мудрость, и никогда не показывайте вашу глупость и Тундра будет любить ваши фильмы и благославлять вас».

Старик умолк; чукчи громко аплодировали ему, европейцы сконфуженно молчали, только я аплодировал и кричал: "Брависсимо, Лиги-Оравилли!"

Ответить и опровергнуть эффект чукотского оратора поручили врачу, европейски воспитанному человеку. Он сказал:

«Ваше тундровое сознание есть сознание примитивного коммунизма. От вашего коммунизма человечество, через нескончаемые классовые битвы, которые всегда означают прогресс, сделало большой виток и со всем культурными достижениями тысячелетий сейчас вернулось снова к коммунизму. Но наш нынешний коммунизм не такой как ваш. Наш базируется на научном фундаменте, экипирован разносторонними теоритическими и практическими знаниями, вооружен многолетним военным опытом. Тундровое сознание сейчас также должно начать свою классовую борьбу против своих эксплуататоров».

- Мы таких не имеем! – закричали чукчи.

- Да, вы их имеете! Например, владельцы лодок, разве они не богаче чем вы?

Чукчи зашумели:

- Мы используем лодки вместе, мы охотимся всегда коллективно и все делим поровну!

- Да, да – продолжал оратор, - но владельцы лодок часто принимают в отряд охотников своих сынков 12-13 лет, и после охоты мальчики также получают равную долю. Разве это не скрытая форма эксплуатации?

- Во все наши коллективы мы охотно принимаем мальчиков – парировали абригены тундры.

- Отлично, - согласился агитатор, - но однако это скрытая форма эксплуатации. Мне нет нужды говорить о ваших шаманах и нескольких семьях, которые имеют наследуемые привелегии на многих моржовых лежбищах, это уже открытые паразиты Тундры. Мы слышали даже о некоем чукотском принце, который имея какую-то бумаженку, подписанную когда-то императрицей Екатериной 2-й, бродит со своими последователями по Тундре и сосет кровь ее народа. Но о всех этих паразитах должны были бы говорить вы сами, не мы; вы должны раскрыть и разоблачить ваших эксплуататоров, и вы конечно сделали бы это и боролись бы против них, если вы были бы хоть немного классово сознательны. Чтобы помочь вам осознать себя классово, мы решили проехать по Тундре, показывая вам с

помощью кинофильмов наши классовые битвы и победы, нашу революционную теорию и практику. Теперь я сам буду искать ваших классовых врагов, разоблачать их и уничтожать.

Тотчас заплодировали европейцы, но аборигены угрюмо молчали. Однако кто-то крикнул: «Не учить, а учиться у них вы должны коммунизму».

Врач разгорячился от этой фразы и пошел в атаку самыми обидными словами. Я знал, кто сказал эту фразу, но конечно не хотел предать сказавшего, я только констатировал, что это сказал не я, хотя она точно выразила мои мысли: не учить, а учиться у чукчей коммунизму должны мы, европейски воспитанные людишки.

Чтобы прекратить скандал, руководитель базы закрыл собрание. Домой меня провожал Нерултенг; он был хмур и грустен: «Что-то перевернулось в моем сердце и сделало меня другим человеком. Я не буду теперь веселиться, я никогда больше не засмеюсь. Что-то перевернулось в моем сердце и я почувствовал себя очень старым, словно я уже прожил тысячи лет и жизнь уже надоела мне. Что-то перевернулось в моем сердце ...».

Юноша явно нервничал. Мы расстались.

5. Общественное порицание

В полночь собрали срочное собрание партячейки вместе с активистами. Звать меня пришла кухарка: «Вас обвиняют во всех смертных грехах. У бюро уже есть предложение». Она же все знает.

Всю ночь до утра продолжалось заседание. Главным докладчиком был врач. Он говорил об антикоммунизме среди обитателей базы, о шовинизме у чукчей, о контрреволюционных идеях в Тундре и наконец о бандитизме на самой базе. Он сказал: «Этим вечером на меня напали в самом клубе: оскорбили меня публично, намекая на мою национальность; сломали мой смычок (он показал разломанный смычок); ударили в руку (со стоном он поднял руку) и почти выбили мои зубы».

Чтобы раз и навсегда покончить с этим позором, он предложил исключить меня из партии и выслать во Владивосток. Он прибавил, что бюро в целом поддерживает его предложение. Начали голосовать. За исключением членов бюро и врача, никто не поднял руку.

Секретарь покраснел: «Бюро серьезно обсудило свое решение, и оно требует, чтобы каждый сознательный член партии, понимая важность вопроса ...». Снова ни одна рука не поднялась. Возникла невыносимая ситуация. Тогда выступил директор базы: «Я предлагаю вынести Какуме общественное порицание и предупредить его, если ...». Европейцы подняли свои руки за это предложение, коренные жители подняли свои против. Число было равное. Снова заговорил секретарь, он угрожал передать дело районной парторганизации, областной или даже в центр. Снова подняли руки за и против, число осталось то же самое.

Новый конфуз. Чтобы дать большинство членам бюро, я поднял свою руку, но увидев это, кухарка опустила свою. Конфуз нарастал. Я сменил место и сел около своей доброй защитницы. Она была упряма: «Если вы поднимете руку за, то я подниму против и дам большинство чукчам».

Утром в столовой на стене был вывешен следующий текст: «Ячейка базы публично объявляет Какуме свое серьезное порицание за недисциплинированное поведение во время последнего собрания, которое сильно мешало и затрудняло агитационную работу ячейки среди коренного населения. Ячейка предупреждает его, что ...».

Однако в полдень на стене на том же самом месте вместо публичного порицания уже висела карикатура скрипача, играющего на скрипке своим длинным языком. Вместо четырех регулировочных скрипичных колков виднелись четыре ослиных уха. Кухарка утверждала, что на языке она разглядела изображение флага нации врача, и в ослиных ушах она без ошибки смогла узнать уши членов бюро.

Возник грандиозный скандал. Бюро мобилизовало всех комсомольцев базы и поручило врачу самому руководить их работой. Была обыскана вся база, допрошены несколько чукчей. Заговорили о контрреволюционной организации в Тундре. Кто-то даже видел список ее членов. В дело вмешалось ГПУ. Кухарка предсказывала массовые аресты среди чукчей. Нерултенг совсем исчез, но его младший брат, 16-тилетний Таурулколт пришел ко мне два дня спустя. Он хотел что-то сказать мне, но ... Я настоял.

- Мой брат сошел с ума. Теперь он все время сидит у моря и грустит, и не хочет ни с кем разговаривать. Но самое главное ...

Я потребовал сказать самое главное.

- Он бросил вашу книгу (Джек Лондон) в море. Проси за нее все что хочешь, о Какуме! Шкуру белого медведя, куртку из тюленей кожи, нарты...

Я наклонился к его уху и прошептал, что бы я хотел получить за книгу.

На следующее утро я несколько запоздал к завтраку. Когда я вошел в столовую, меня встретили всеобщим смехом. Считая, что его причина в моей одежде, я быстро оцупал себя. Смех усилился. Видя мое замешательство, добрая кухарка жалостливо прошептала: «Высоко, высоко, под самым потолком, в недоступном месте, висит теперь проклятое общественное порицание, но вы повесили его вверх ногами».

Все хохотали. Директор базы приказал тотчас убрать порицание, а комиссар ГПУ пригласил меня по дружески сыграть с ним в шахматы после завтрака.

6. Неожиданный взрыв.

Вскоре после этого утром я сидел один в своей комнате у шахматной доски и пытался решить оригинальную трехходовую шахматную задачу, найденную где-то в старом журнале. Когда я почти нашел ключик к ее решению, неожиданно раздался оглушительный взрыв. Земля вздрогнула, дом закачался, стекла зазвенели на все голоса. Шахматные фигуры, белые и черные, посыпались с доски и покатались в разные стороны. Вместе с ними улетел и ключик из моей головы. Я прыгнул в угол, чтобы одеться и бежать на улицу.

В углу было пусто: ни пальто, ни шапки, ни даже вешалок там не было. Мимо моих окон, крича и шумя, бежали обитатели базы. Снова и снова я ощупывал угол, пока до меня не дошло, что я нахожусь не в том углу. Наконец одевшись, я выбежал из комнаты. На нашей единственной маленькой улочке я встретил кухарку. У ней конечно не было времени разговаривать с кем-то на улице, но для меня, как всегда, она сделала исключение, потому что ...

Какой-то чукча бродил без цели по берегу моря (это обычное занятие всех местных бездельников) и проходил мимо кучи каменного угля, предназначенного для отопления базы и особенно ее кухни в столовой. Вдруг он увидел между углей какой-то блестящий грушевидный предмет. Если бы этот предмет увидела бы она, кухарка, она конечно бы знала, что это такое и что с ним делать, но дурак из Тундры, о проклятый идиот! Взяв тяжелый камень, он попробовал разбить предмет, что бы посмотреть, что там внутри. Ну, естественно, раздался взрыв, который все только что слышали. Потому что предмет был бомбой. Она не

обратила внимания, что случилось с дикарем. Кажется, бомба разорвала ему руку или ногу; или руки и ноги, но это не важно. Как бы то не было, его доставили в лазарет и возможно положили на белую европейскую кровать, но она конечно не будет стирать постельное белье после него за ту же зарплату, потому что все знают, что чукчи самый грязный народ на свете и они невыносимо пахнут. Они часто моют руки мочей и чистят ложки и тарелки собственным языком, но это тоже сейчас не важно. Важно следующее: агенты ГПУ уже расследовали дело на месте, и она знает отлично, что оболочка бомбы была японская, а динамит – американский. Бомбу доставил сюда английский пароход, недавно зашедший в наш залив; он не хотел выпонять никакие международные положения, предписанные в таких случаях каждому кораблю, вторгнувшемуся в иностранные воды. Этот грандиозный японо-американо-английский заговор, поддерживаемый несомненно самой Лигой Наций, был нацелен главным образом на ее кухню.

Зная, что чукотские кочегары, из-за своей сказочной невнимательности и лени кидают в печь вместе с углем что попало: зубы моржей, кости оленей, и т.д и т.п., мировая гидра контрреволюции хотела, чтобы бомба попала в кухонную печку и взорвалась точно во время обеда. Таким образом погибли бы все обитатели базы, и конечно бы погибла бы она, кухарка, «соль советской страны»; не зря же говорил товарищ Ленин, что «только кухарки могут хорошо управлять страной», а товарищ Сталин сказал... Она точно не помнит, что сказал товарищ Сталин о кухаркином управлении и у нее нет времени, чтобы сейчас говорить об этом, потому что она должна спешить на свою кухню, чтобы осмотреть все куски угля, предназначенные для топки печки, ведь в наше время мировых интриг, заговоров и конспираций, она никак не может поверить в дурака-соотечественника, который камнем разбивает бомбу в центре базы. Конечно, если бы она руководила базой...

Наполовину смеясь, наполовину встревожен, я вернулся в свою комнату и собирая шахматные фигуры, попытался снова заняться решением трехходовой задачи. И вдруг странная идея пронзила мозг; что шахматная задача есть задача человеческой жизни, моей собственной жизни. Есть три хода: рождение, жизнь и смерть. Два первых хода уже сделаны, каким должен быть третий? Напрасно я пытался отогнать эту мысль, она подчиняла меня все больше и больше и вскоре заняла все мое сознание. Каким должен быть мой третий ход?

Чтобы освободиться от этой навязчивой идеи, я попробовал быстро проанализировать шахматную задачу и решить ее. Оставив все правила, я двигал фигуры по доске, то белого офицера, то королеву. Нервное напряжение все возрастало, проблема казалась неразрешимой. Я двигал туру, лошадь, черного офицера и снова белого. «Ошибка, ошибка! Задача не может быть решена!». Я дрожал, как от какой-то нервной лихорадки.

И вдруг распахнулась дверь и в мою комнату влетел Таурулкотл, младший брат моего друга Нерултенга. Он плакал, он кричал, он сходил с ума, все время говоря только по чукотски. Я почувствовал, что случилось что-то невообразимо ужасное, что-то фатальное, неисправимое.

- Говори по русски! По русски! – кричал я, махая кулаком перед его лицом, но мальчик, обычно хорошо говоривший по русски, сейчас казалось забыл все чужие слова. Наконец я разобрал два слова: «Нерултенг.. госпиталь..» И тотчас обо всем догадался, понял и застыл, одеревенел, окаменел. Казалось, в моем сердце повернули какой-то выключатель и выключили его из жизни. Я застыл и мальчик тоже.

Мы пошли в госпиталь. Дежурная медсестра встала у двери: «Доктор приказал никого не впускать в палату к больному». Мы отодвинули ее в сторону, как будто она была неживым предметом, и ни слова не говоря вошли в палату. Нерултенг узнал наши шаги.

- Какуме, Какуме, за что меня ослепили?

Я был в ужасе: «Кто, Нерултенг, кто ослепил тебя?»

Нерултенг беззвучно заплакал:

- Ваша цивилизация, европейски воспитанные люди, выдумавшие такие ... такие ...

В комнату вошел доктор. После стычки в собрании, он не разговаривал со мной.

- Вон отсюда! Вон! – гневно закричал он.

Я смутился.

- Я прошу прощения, - начал я.

- Никакого вам прощения – заорал европейски воспитанный человек.

- Я обращаюсь к вам как к врачу...

Он прервал меня: «Сегодня я удалил ему оба глаза; завтра я удалю его нос, руки и возможно ноги». Он наклонился к моему уху: «В любом случае он будет жить, но я гарантирую вам, что он никогда не нарисует карикатуру, никогда не сунет нос в личную жизнь европейца и конечно никогда не поднимет руки против кого-нибудь из нас».

Я онемел; ужасное подозрение сковало меня, заморозило: мне показалось, что он специально ослепил несчастного и спокойно планирует дальше увечить его.

- Какуме, Какуме! – стонал больной, - не оставляй меня здесь, заberi меня отсюда, он же мстит мне.

Через 2-3 часа, несколько чукчей подъехали на оленях к больнице и вопреки всем протестам врача, забрали больного и увезли его в материнские объятия мистической Тундры.

7.Неразрешимая задача.

Уже много дней я сижу перед шахматной доской, стараясь решить проклятую трехходовую задачу. Я предложил ее для решения всем шахматистам базы, а директор базы обещал приз решившему – две бутылки отличного коньяку из своих личных запасов, но несмотря на это, задача осталась нерешенной. Болело мое сердце, болела голова; навязчивая идея захватила все мое существо. Я не мог больше спать, не мог думать о чем-то другом. Я был болен душой и телом, и давно должен был бы обратиться к врачу, но унижаться после всего, что случилось...

Тем более, что он нагло хвастался, что я непременно приду просить его прощение. Он ждал меня, и в конце-концов я пришел к нему: «Я не сплю уже много ночей. Я пришел к Вам...». Он прервал меня: «До тех пор, пока ты публично не попросишь у меня прощения, я не пошевелю даже пальцем чтобы помочь, даже если ты будешь умирать».

Молча я вернулся домой. В тот же вечер врач смеясь рассказывал везде, что я покорился и буду просить его прощения во время общего собрания базы.

Ночью у меня начались галлюцинации: шахматные фигуры жалывались мне; белые о интригах и предательстве черных; черные о несправедливости и подлости белых.

Пришел день собрания и я униженно просил прощение. Европейцы тактично молчали, чукчи негодуяще поднялись и демонстративно покинули собрание. Выходя на улицу, я услышал у двери плачь кухарки.

- Зачем Вы так унизились перед этим негодяем?

- Я схожу с ума! Вот уже пятую неделю я не могу спать...

Европейски воспитанный человек встретил меня самым обидным смехом

- Официально я не имею эффективных снотворных, но неофициально ... Такие вещи не дают просто так даже слепым.

- Что Вы хотите еще?

Врач кашлянул: «Во-первых я хочу, чтобы ты сказал, кто дал мне пощечину в клубе; во-вторых, кто советовал мне не учить, а учиться коммунизму у чукчей. Все это очень важно для партии, а партия для меня, так же как для тебя, прежде всего и превыше всего. Я знаю, что руку мне повредил твой чукотский дружок, и он уже потерял свои глаза за дерзость и потерял бы конечно свои руки и ноги, если бы его не увезли так неожиданно. Остальные так же должны быть наказаны».

На какое-то время, из-за негодования, я совсем потерял дар речи. Возникла долгая пауза. Наконец я сказал, чеканя каждое слово: «Конечно, я бы признался партии во всем, если бы она не имела в своих рядах таких отвратительных подлецов как Вы, а теперь ...». Я шагнул к выходу.

«Стой! – вскрикнул врач.- Стой и слушай! Я не стыжусь сказать тебе ругательство или сделать гадость, потому что ты слепой, и я презираю тебя инстинктивно. Для меня ты ничто, навоз, гавно!»

Я выбежал вон. Он вскочил и последовал за мной. Теперь он полушептал в мое ухо:

«Если ты сделаешь то, что я тебе сказал, и более того, если ты передашь мне решение трехходовой шахматной задачи, которую ты конечно решишь, я обещаю тебе, в тот же вечер оставить свой шкафчик открытым, а в нем на верхней полке, с правой стороны, в дальнем углу ты найдешь пузырек с точной дозой лекарства для тебя. Запомни, на верхней полке с правой стороны...»

Дома меня ожидал Таурулколт с радостным известием, что его брат полностью выздоровел, вернулся в свою ярангу и хочет меня видеть. Мы пошли. По дороге мальчик жаловался: «Во всех слепцах живет дьявол, потому что дьявол любит темные углы, а любой слепой – это же самая темная точка в мире. Но в моем брате поселился какой-то бандитский дьявол; он ненавидит всех людей, ругается на друзей, безжалостно бьет меня и выгоняет родителей из яранги...».

Действительно, я нашел стариков сидящих снаружи яранги. Они жалобно стонали и плача повторяли какую-то молитву против дьявола и его козней. Перебивая друг друга, они рассказали мне на своем местном эсперанто, что их сын почувствовал себя лучше в тундре. Лечил его местный шаман народными средствами чукчей, его раны быстро затянулись и совсем не болели. Только глаза ... Никто же не может вставить новые глаза. Что бы не напоминать о его несчастье, все смеялись, шутили и были веселы. Но в слепого вселился поистине ужасный дьявол.

Я вошел в ярангу и вполз в *полог* – крестообразную комнатку, сделанную из шкур различных животных.

8. Самая дружеская услуга

Нерултенг встретил меня очень сердечно. Он дружески усадил меня рядом с собой на самую лучшую шкуру в яранге по обычаю Тундры, приказал поставить перед нами все съедобное, что только было в наличии. Опершись о мои колени, он честно признался: «Это правда, я ругаю моих друзей, бью брата, выгоняю родителей, и все из-за того, что они всегда смеются, всегда веселы, потому что ... потому что... кто имеет право смеяться теперь, когда мир разделен на два враждебных лагеря, которые объявили друг другу беспощадную

жестокую войну, непримиримую до самой смерти? Кто имеет право веселиться теперь, если любой из нас, даже в самой далекой Тундре, может стать в любой момент безвинной жертвой этой ненасытной ненависти? Но теперь любой может войти сюда и смеяться и веселиться, потому что для меня самого все уже решено».

Он сделал паузу, и я интуитивно понял, что он намекает на третий ход жизненной задачи. Нерултенг продолжил: «По нашей чукотской традиции, наши старики имеют право по своей воле оставить эту жизнь, если она делается для них грузом невыносимым, если они делаются грузом для родственников и друзей, и для самих себя. Хороший обычай, не правда ли?».

Он ожидал моего ответа, но я... Я был полностью занят шахматной трехходовой задачей; о, если бы я мог решить ее, тогда я конечно знал бы, что сказать ему, но сейчас... Приняв мое молчание за согласие, Нерултенг благодарно сжал мою руку: «Но убить себя самому, своей рукой, по обычаю тундры не благородно, нечестно, недостойно настоящих людей. Это должны делать для нас наши самые верные друзья, наши любимые, наши любящие».

Я вскочил как от удара электрическим током и выкрикнул в бессознательной панике: «Я не могу сделать этого для тебя, ты не можешь, не имеешь права требовать это от меня!».

Нерултенг ласково обнял меня и снова усадил рядом с собой: «Зачем кричать? Почему это так возбудило тебя? Мы должны обдумать дело спокойно, серьезно... Это же самая дружеская жизненная услуга».

На экстренном партсобрании ячейки базы я представил для решения собрания вопрос: имеет ли право европеец здесь, в Тундре, убить по обычаю страны своего самого близкого друга, если он сам требует этой самой дружеской услуги, по мнению аборигенов?

Возник очень острый спор: чукчи говорили: «Да, он имеет право», - «Нет, никогда!»

Наконец выступил директор базы:

«Мы имеем подобный прецедент. В последний год в Уэлене (административный центр около Берингова пролива) одна мать местного коммуниста потребовала от своего сына, члена местной партиячейки, чтобы он задушил ее, иначе она сама покончит с собой и таким образом навсегда опозорит сына на всю Тундру. Сын обратился в партиячку. После долгих дискуссий, ячейка Уэлена решила оставить дело на партийной совести своего чукотского члена. И он задушил свою старую мать. Мы сделаем тоже самое; мы оставим все на европейской совести нашего члена, и я уверен, что он никогда никого не убьет».

В конце собрания директор торжественно объявил, что администрация базы решила выделить денежные средства слепому чукче, невольной жертве разрушительных действий контрреволюции, чтобы он мог перебраться в Москву или Ленинград, мог снова сделаться полезным гражданином Советской страны. Администрация предложила, чтобы я взял на себя все хлопоты в этом деле, на что я согласился очень охотно.

Снова сопровождал меня Таурулколт к своему брату и по дороге умолял меня: «О Какуме, скажи моему брату, чтобы он разрешил мне задушить его; разве я не люблю его больше чем кто-либо? И я сделаю это для него с такой радостью, с таким наслаждением... Возможно я еще немного молод, но поверь мне, я отлично задушу его. Не дай мне быть опозоренным среди моих товарищей, о Какуме! Брат не любит меня, потому что я всегда смеюсь и весел, однако не из-за радости я смеюсь, а из-за юности. Молодость не может же всегда горевать, о Какуме!»

9.Новый вариант

Нерултенг был флегматичен, спокоен. Я сразу начал философствовать: «Второй ход неверен, его можно изменить, даже необходимо изменить; третий ход ошибочен. Теперь мы поедem вместе с тобой на континент, в самую Москву. Там ты будешь учиться работать и любить работу; там ты найдешь новых друзей и будешь счастлив...».

Нерултенг прервал меня: «Скажи мне, о Какуме, скажи открыто, честно, как друг другу, как слепой слепому: учась работать и любить работу, находя друзей в Москве, ты сам счастлив от этого?».

Вопрос был слишком неожиданным, слишком личным, чтобы ответить сразу. Нерултенг почувствовал мое замешательство и пожалел меня. Ласково он взял мою руку: «Ты можешь не отвечать, о Какуме, потому что я заранее знаю ответ».

Однако я хотел ответить: «Я всегда верил и верю теперь, что существуют люди с которыми я мог бы быть счастлив. И действительно я уже имел друзей, с которыми я чувствовал себя очень счастливым; к сожалению мы должны всегда расставаться, потому что...».

Я умолк, а Нерултенг продолжил: «Потому что мир разделился на два враждебных лагеря, и вы находились на разных сторонах...».

Теперь я прервал его: «Однако я всегда надеюсь найти друзей, с которыми я буду жить счастливо».

С мягкой иронией Нерултенг произнес: «И чтобы найти их, ты бродишь по всему свету, оставил саму Москву и приехал сюда??? И не из-за друзей ли приходится унижаться даже перед мерзавцами?».

Глубокое раскаяние пронзило мое сердце: «Возможно, именно из-за друзей я не должен был делать этого».

- Возможно, это не должно бы быть важным из-за друзей...

- Но если не спишь из-за них много ночей?

При расставании он признался, что хотел умереть в Тундре, но прибыл сюда единственно ради встречи со мной; однако теперь он обещал заново обдумать жизнь. Он даже улыбнулся при расставании, возможно первый раз после ослепления.

Около базы меня встретила кухарка. Она была сильно возбуждена. Ища повсюду осколки бомбы, ГПУ нашла в море книгу Джека Лондона, его рассказы о Дальнем Севере, и в ней подозрительный листок.

«Представьте себе, - кричала кухарка, - европейски воспитанный негодяй говорит, что это список содружества Тундры, контрреволюционной организации, выдуманной им самим. Он даже утверждает, что разобрал там Ваше имя. Список сушится на кухне, и я отлично изучила его; кажется это то самое ваше общественное порицание, когда-то таинственно исчезнувшее из столовой. Я же знаю, что то общественное порицание, которое появилось потом под самым потолком и которое висело вверх ногами, не было оригиналом; к счастью директор базы сразу приказал сжечь его и европейский дьявол только подозревает правду. Как бы то не было, мои чукотские бездельники быстро используют листок на самокрутки во время моего отсутствия, а вместо него я положу девственно чистый листок. О самой книге договоримся так: Вы дали ее мне, а я уронила ее в море. Ни в коем случае не вмешивайте в это дело вашего бедного друга; он же должен умереть в Тундре и никогда не вернется сюда. Далее. Европейски воспитанный мошенник еще не знает, что пощечину и совет учиться коммунизму у чукчей дал ему сам директор базы; в этом он подозревает чукчей, но со стороны чукчей он заслуживает не пощечину, а бомбу. Жаль, что их слишком человеколюбивый инстинкт

направил бомбу... Итак, книгу Вы дали мне почитать, не забудьте!».

Начальник ГПУ был вежлив и любезен; он говорил просто и дружелюбно. Ему очень нравилось, что я дал книгу Джека Лондона кухарке для чтения, и он очень сожалел, что она уронила ее с вложенным листком на морское дно точно в том месте, где искали фрагменты бомбы. Это конечно делало дело подозрительным, но никак не подлежащем подозрению.

- А теперь немного о другом! К дьяволу дела, - сказал он, меня вежливый тон на более фамильярный, товарищеский. – У нас возник вопрос несколько психологического характера: возможно ли для человека, видевшего бомбу в кинофильме, не узнать ее на морском берегу среди угля?

Намек был слишком ясным, и я ответил: «Проводя аналогию между зрением и слухом, я думаю, что такое неузнавание возможно, потому что даже хорошо знакомых мне людей на морском берегу, позднее я часто не могу узнать в их офисах».

- Аналогия точная, - одобрил начальник ГПУ. – Теперь другая загадка: бомбу разбили на морском берегу, но ее фрагменты находят исключительно только в море. Вот такая дилемма: или бомба была брошена в море и взорвалась во время полета в воздухе, или кто-то тотчас после взрыва собрал осколки и бросил их в море.

- Существует третья возможность, - парировал я. – Когда бомба начала взрываться: шипеть, трещать, но еще не взорвалась, ее инстинктивно толкнули к морю и она взорвалась катясь.

10. Последний ход.

Всю ночь я просидел у шахматной доски, двигая фигуры и как ГПУшник спрашивая их о роли и цели каждой из них в этой задаче. Ответы всегда были двусмысленны, намекали на многое, ясно не говоря ничего. Этот кошмар продолжался до утра. Привел меня в сознание шум у двери. Я вскочил в необъяснимом страхе. В комнату вбежал Таурулколт. Как когда-то в день памятного взрыва, он плакал и кричал, говоря все время по чукотски, но теперь я понял все, все до последнего слова. Со слезами он рассказал: «Все считают, что я задушил его, но Вы должны знать правду: он повесился сам без чьей-либо помощи. И после, что бы объявить всем, хороший или плохой человек он был, его тело положили на пригорок, отвязали всех собак и наблюдали их поведение. Все же знают, что собаки никогда не тронут тело плохого человека; но теперь собаки побежали как дьяволы и прямо на пригорок. В один момент они разорвали на куски тело бедного слепого и все могли собственными глазами убедиться, что он был отличным человеком».

Едва он окончил свой рассказ, мою голову пронзила неожиданная мысль:

- Таурулколт, мат королю ставит простая пешка, заменяемая на лошадь! Посмотри!

И я бросился к шахматной доске, и только тогда заметил, что доска была пустая и все фигуры всю ночь спокойно спали в своей коробке.

- *Келья, келья* (дьявол), - закричал мальчик и убежал прочь.

Я радовался, я даже запел модную мелодию танго: «Под небом Аргентины, в краю красивых женщин...».

Постучав в дверь, в комнату вошла кухарка. Она принесла мне завтрак. Я был в замешательстве, потому что по обычаю базы, все ее жители питались вместе в столовой.

- Не удивляйся, Какуме, - по матерински сказала моя защитница.- Я разговаривала с нашей медсестрой о лекарстве для Вас против бессоницы, и она в ответ многозначительно

намекнула, что возможно самым лучшим лекарством для Вас было бы питаться отдельно в своей комнате. Она ничего не сказала, но я теперь подозреваю, что европейски воспитанный шарлатан каждый день, незаметно для всех и используя вашу слепоту, подмешивает что-то к вам в пищу, чтобы вызвать у Вас бессоницу. Как бы то не было, мы ничего не потеряем, если в течении нескольких дней Вы будете питаться в своей комнате. Все хлопоты я беру на себя. Никому нельзя сейчас доверять.

Я прервал ее: «Сегодня день примерения: Нерултенг, мой слепой друг, уже умер, как того требовали ваши планы безопасности. Теперь он может взять на себя всю вину и все грехи базы».

Она ничего не сказала.

База праздновала, веселилась. Европейски воспитанный в конце-концов нашел решение трехходовой задачи: мат королю ставит пешка, превращаясь в лошадь. Он получил премию, две бутылки отличного коньяка, и добавил много за свой счет, чтобы отпраздновать свою победу, и база праздновала шумно, пьяно, разгульно.

Кухарка принесла мне ужин. «Представьте себе!, - кричала она.- Какая путаница! Какой переворот! Вместо девственно чистого листка, европейски воспитанный обманщик подсунул в ГПУ список содружества Тундры. Среди них я видела фамилию директора базы, Вашу и мою! В ГПУ неописуемое смятение; снова планируются массовые аресты. Но я хочу раз и навсегда покончить с этой клоунадой».

База праздновала, веселилась. Засыпая, я имел радостную уверенность, что врач ошибся в дозе для меня и я был очень благодарен ему, потому что таким образом был сделан последний ход и проблема решилась так просто. Сквозь сладостный полусон, я еще слышал как в комнату бесшумно вскользнула кухарка. За ней так же бесшумно последовал директор базы и глава ГПУ. Моя всегда добросердечная защитница теперь шептала: «Я все время подозревала, но теперь я уверена». В чем она была уверена, я уже не слышал, я засыпал ... Я исчезал ... Я умер.